

**СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ
МЕСТНОГОСАМОУПРАВЛЕНИЯ БУРЯТ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ**

Б.Ц.ЖАЛСАНОВА, Л.В. КУРАС

Abstract: The article deals with the most biggest cases towards civil servants of non-russian self-government of Buryat authorities. Such cases are considered as writs and are decided by non-russian authorities. These crimes are regulated by “Charter on management of Non-Russians” 1822, which legally admits validity of common law’s standards in prospect of its codification. It also has stated the special legal status for Siberian peoples.

Key words: court and legal proceedings, “Charter on management of Non-Russians” 1822, buryat authorities of non-russian self-governments, civil servants of local authorities of the Buryats, corpus delicti.

До присоединения Бурятии к России все виды преступлений и правонарушений у бурят регулировались нормами обычного права. Со времени присоединения происходит усиление влияния российского законодательства, а “Инструкцией пограничным дозорщикам” Фирсову и Михалеву графа С.Л. Владиславича-Рагузинского 1728 г. были изъяты из ведения инородных властей так называемые “криминальные дела”.

Устав об управлении инородцев 1822 г. в этом отношении существенных изменений не внес. “В уголовных только преступлениях, –говорится в Уставе, – кочующие судятся в присутственных местах и по общим государственным установлениям”¹. Местные органы не могли рассматривать такие уголовные дела как: “1) возмущение; 2) намеренное убийство; 3) грабеж и насилие; 4) изготовление ложной монеты и вообще похищение казенного и общественного имущества”². Все прочие преступления, включая кражу, считались исковыми и решались инородными властями.

Особое место в суде и судопроизводстве бурятских ведомств занимали должностные преступления. Деятельность должностных лиц инородческого

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Ст. 29126. 1 собр. Т.38. СПб., 1830. С. 396.

² ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т.38. СПб., 1830, 396.

самоуправления четко регламентировалась Уставом 1822 г. и нормами обычного права. Однако эта регламентация способствовала противозаконным действиям должностных лиц органов местного самоуправления бурят. Во-первых, это связано со статьей 142 “Устава об управлении инородцев” 1822 г., согласно которой должностные лица, кроме письмоводителя и его помощника, “не получают от родовичей своих никакого жалованья, но исправляют должности по сим званиям как общественную службу”³. Во-вторых, была предусмотрена система других материальных мер и моральных поощрений стимулирования должностных лиц за успешную службу. Так, статья 143 “Устава об управлении инородцев” 1822 г. закрепляла за ними “доходы, какие их званию присвоены по степным законам и обычаям с промыслов и земель”⁴. Т.е. общественная служба должностных лиц законодательно поощрялась путем выделения лучших пахотных и сенокосных земель в больших размерах. В статье 82 Хоринского положения 1851 г. отмечается, что “среди хоринского населения из занимающих должности тайши, заседатели, головы, выборные, старосты не получают жалованье ни от казны, ни от населения, поэтому в силу 143-й статьи вышеуказанного Устава (1822 г.) в соответствии со званием и с одобрения населения сенокосных и пахотных земель получают во владение побольше”⁵.

Таким образом, буряты, занимавшие должности в органах местного самоуправления, не получали денежного вознаграждения за свою службу и зачастую занимались поборамми со своих сородичей, чтобы поправить свое материальное положение. Хотя им и выделялись хорошие земельные участки для покосов и земледелия, но они не всегда имели возможность заниматься своим хозяйством из-за занятости по общественной службе.

Немалую роль в совершении должностных преступлений, связанных с излишним побором денег, сыграли статьи Устава 1822 г., определившие “три рода” податей: 1) казенные подати; 2) земские повинности, 3) повинности внутренние на содержание степного управления⁶. Если с двумя первыми видами податей проблем не возникало, то сборы денег на внутренние повинности служили причиной незаконных сборов с бурят. Сборы на внутренние повинности собирались согласно общественным приговорам на содержание местного управления. Смету на внутренние повинности составляли на общественном суглане с участием

---

³ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т.38. СПб., 1830, 402

⁴ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т.38. СПб., 1830, 402

⁵ Обычное право хоринских бурят: памятник старомонгольской письменности: пер. с монг. Новосибирск: ВО “Наука”, 1992, 95.

⁶ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т.38. СПб., 1830, 411.

должностных лиц местного самоуправления. Само положение о внутренних повинностях предоставлялось на рассмотрение губернатору, губернскому совету и утверждалось генерал-губернатором. Наряду с денежной внутренней повинностью, буряты должны были исполнять натуральные повинности: исправление дорог, мостов, гатей, перил, заготовка леса. Однако бурятским органам местного самоуправления было трудно отрывать людей от хозяйственных работ, отправлять их на дорожные работы на дальние расстояния с лошадьми, орудиями труда, определять наблюдателей за их работой и т.д., да и для самих бурят натуральные повинности были тяжелым бременем. Поэтому выгоднее было собирать дополнительные деньги на натуральные повинности и нанимать работников на договорных условиях, что расценивалось как незаконное действие. Несмотря на противозаконный характер этих “темных” денежных сборов, бурятские ведомства применяли их повсеместно. Эти приходы и расходы нигде не учитывались и вели к присвоению части этих средств должностными лицами.

Следствия в отношении должностных лиц органов местного самоуправления проводились силами местной полиции и изымались из ведения инородческих властей. Это было обусловлено невозможностью беспристрастного расследования инородческими начальниками в отношении самих себя. Согласно статье 9 Закона о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках 1857 г. 1-ю степень уголовного суда составляли уездные суды, городские магистраты, ратуши, суды надворные; 2-ю степень – палаты уголовного суда; высшую же степень Правительствующий Сенат⁷. Статья 13 квалифицировала должностные преступления как уголовные дела в преступлении должностей, или так называемые дела следственные, которые подлежали разбирательству в ведомстве второй степени суда – Палате уголовного суда⁸, а при невозможности разрешения – в высшей степени суда – Правительствующем сенате.

В середине XIX в. большой резонанс получили следственные дела по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления: Николая Дымбилова - главного тайши Хоринской думы; Сахара Хамнаева - главного тайши Баргузинской думы; Иннокентия Муравьева - главного тайши Ольхонской думы; Хамагана Дамбуева - главного тайши Кударинской думы; Тарбы Жигжитова - главного тайши Хоринской думы и т.д.

---

⁷ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV. Законы уголовные. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1857, 4.

⁸ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV., 5.

В 1839 г. было возбуждено следственное дело об излишних поборах и других злоупотреблениях по ведомству Хоринской Степной думы. По мнению очевидца тех событий Т. Тобоева - второго тайши Агинской Степной думы, причиной конфликта послужил выбор главным тайшой хоринских бурят Ринчин-Доржо Дымбилова, что разделило хоринское общество. Как пишет Т. Тобоев: “Этот Дэмбилэй был нравом груб, был корыстолюбив и собирал подати без разрешения начальства. По этой причине возникли нелады, и часть хоринского народа стала жаловаться и подала прошение начальству”⁹. Следствие проводил исправник Шевелев. В списке нарушений фигурировали такие обвинения, как излишние сборы по второй половине 1838 г. и первой половине 1839 г. по 0,40 коп. с души, во второй половине 1839 г. по 0,25 коп. – всего по 0,65 коп. с души; завладение покосами по р. Холгосон, снаряжение по четыре человека в караул к своим юртам. Ему вменили также дачу ложных показаний об оказании помощи сородичам по случаю падежа скота, еравнинские буряты жаловались на то, что он не отдал им 571 руб. 14 коп. за проданную в казну шерсть и т.д. Т. Тобоев приводит такие цифры: “Тайша Дэмбилэй и крещеные Петр Мелентьев, Николай Ольхоин и Степан Соболев украли и поделили 11368 руб. 43 коп. и 1 полушку серебром, собранных в Хоринской Степной думе податей и 233 руб. 51 коп., 1 полушку различных сборов и подожгли думу”¹⁰.

В ходе следствия 96 человек подтвердили незаконный сбор, из них 14 изменили свои показания, 138 человек, подписавшие прошения, и еще 104 человека показали, что излишних сборов не было. Тайша Н. Дымбилов и другие его чиновники показали, что возмутителями являются сторонники умершего тайши Ж. Дамбадугарова.

Неудовлетворительное ведение следствия привело к тому, что исправник Шевелев был отстранен, тем более стали поступать прошения, поданные хоринскими бурятами о несправедливом производстве следствия и стеснениях родоначальников. Так, при расследовании Шевелев “своеручно бил ясачных, обнаруживших поборы и пять дней держал под караулом”. Головы, старосты, выборные, зайсаны, которые дали показания против Н. Дымбилова, были удалены от должности.

В конце 1840 г. поступила очередная жалоба, подписанная 1176 хоринскими

---

⁹ Тобоев Т. Прошлая история хоринских и агинских бурят // Бурятские летописи. Улан-Удэ, 1995, 19-20.

¹⁰ Там же, 20.

бурятами, ревизору Министерства имуществ камер-юнкеру Львову на своих родоначальников в производстве с них поборов в размере 0,95 ½ коп. с души. В 1840 г. Совет Иркутского общего губернского управления вынес решение о продолжении следствия, которое было поручено другому чиновнику – губернскому стряпчему Кожевникову.

В 1843 г. Верхнеудинский окружный начальник доносит Иркутскому гражданскому губернатору о новых обвинениях по отношению к Н. Дымбилову – это несправедливое присвоение себе княжеского титула и присвоение 729 руб. 53 коп. серебром, собранных в подати. На основании этого Иркутский гражданский губернатор пишет генерал-губернатору Восточной Сибири В.Я. Руперту о необходимости устранения Н. Дымбилова от должности, на что он отвечает, что не может дать приказ об освобождении от должности по причине недоказанности его вины¹¹.

Следствие шло на протяжении еще нескольких лет. По свидетельству Т. Тобоева “по решению генерал-аудитора тайша Дэмбилэй был сослан на работы в Россию, а товарищи его, по решению Забайкальского окружного суда, были сосланы на работы в Нерчинский завод”¹².

25 ноября 1851 г. генерал-губернатору Восточной Сибири поступил рапорт чиновника Францова, в котором он докладывал о поступившей жалобе ясачных инородцев Барун-Харганатского рода Сулхаринского родового управления о незаконных поборах тайши Тарбы Жигжитова. Ясачные инородцы для подачи жалобы вынуждены были прибыть в Селенгинскую Степную думу за 350 верст и просить довести их жалобу до генерал-губернатора, так как они лишены возможности, “ибо тайша Жигжитов старается прекращать все пути к сообщению с прямым начальством”. 23 февраля 1853 г. Верхнеудинском земским судом было поручено заседателю Стоцкому провести расследование. В ходе расследования выяснили, что в 1850 г. зайсан Жигжит Бабогуев выделил деньги на общественные нужды, а именно уплатил налоги за свой род, на что имелись подписки. После его смерти наследники потребовали вернуть долг с рода, поэтому сделали раскладку и получилось по 8 руб. 63 ¾ коп. на каждую душу, всего 3480 руб. 91 ¼ коп. ассигнациями, что вызвало большое неудовольствие со стороны инородцев.

В жалобах ясачные инородцы также жаловались на то, что старосты Банзаров и Жигжитов наказывали за несвоевременный взнос казенных податей и хлеба в

---

¹¹ Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф.1. Оп.1. Д.15572а.

¹² Тобоев Т. Указ. соч. 20.

экономический магазин, били лозами некоторых инородцев. В течение 1851 г. собрали с инородцев 1-го класса по 36 руб. 92 коп., 2-го класса по 36 руб. 92 коп., 3-го класса по 21 руб. 43 $\frac{3}{4}$ коп.¹³

Интересными представляются обвинения в составлении “фальшивых писем” главным тайшой Селенгинской Степной думы Ю. Ломбоцыреновым. В 1851 г. Иркутский губернский суд рассматривал дело о “фальшиво составленных двух письмах от имени главного тайши Селенгинской Степной думы Найдана Вампилова, написанных якобы бывшему тайше Ю. Ломбоцыренову”. Учитывая, что Ю. Ломбоцыренов ранее уже был судим за составление “фальшивого одобрения” и освобожден от ответственности по силе все милостивейшего Манифеста, его оставили в сильном подозрении на основании 1177 статьи Свода уголовных законов¹⁴.

Наглядным примером разбирательств по должностным преступлениям в бурятских органах местного самоуправления середины XIX в. является также рассмотрение “следственного дела” Сахара Хамнаева (1814-1885), главного тайши Баргузинской Степной думы в 1846-1873 гг.

Сахар Хамнаев был незаурядной личностью, оставившим глубокий след в истории Баргузинского ведомства. Однако, несмотря на свою многолетнюю плодотворную деятельность на посту главного тайши ведомства и многочисленные награды, Сахар Хамнаев несколько раз отстранялся от должности по жалобам разных лиц. Исходя из содержания архивных документов, можно предположить, что не всем по нраву пришлась его многогранная деятельность по развитию ведомства, требовавшая значительных материальных затрат на их осуществление, с одной стороны, и возможные нарушения, которые совершались им лично или с его ведома, с другой стороны. К его чести надо отметить, что, судя по документам, ни одно из выдвигаемых обвинений не было доказано, и ни по одному из них Сахар Хамнаев не был признан виновным.

Первые обвинения Сахара Хамнаева в противозаконных поступках начались в 1846 г. со стороны баргузинских купцов братьев Ивана и Михаила Черных при поддержке некоторых баргузинских бурят. Суть обвинения состояла в том, что “он запрещал бурятам торговать с купцами Черными и нанес этим бурятам убытки; что он делал бурятам разные стеснения, что с бурят Танганова и Нодуева взял 9400 руб., что по его распоряжению производятся с бурят излишние поборы, что

---

¹³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 62. Л. 1, 67.

¹⁴ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 164. Л. 15.

из поборов тех Хамнаев получал себе жалование в течение 11 лет по 400 руб. в год”¹⁵.

Таким образом, ему были предъявлены обвинения в незаконных действиях по нескольким пунктам: 1) запрещение торговли бурятам с купцами, тем самым нанеся ущерб обоим сторонам; 2) незаконный излишний сбор денег с бурят ведомства; 3) незаконное получение жалования.

Следствие по жалобам на чиновника из бурят Сахарам Хамнаева “производились пять лет четырнадцатью чиновниками”. Причинами такого затяжного следствия были: 1) неудовлетворительное для всех жаловавшихся на С. Хамнаева следствие, проведенное чиновниками Салогубом, Путовойтовым и Лоховым¹⁶; 2) неосмотрительный поступок чиновника Мордвинова, который начал передопрашивать, не учитывая причин жалоб бурят на С. Хамнаева, выясненных прежде другими следователями, также поступили и чиновники Посельский, Лохов, Карамзин и Вильчковский; 3) следствие привело к расколу в Баргузинском бурятском обществе, произошло переплетение выдвинутых обвинений с борьбой за власть в ведомстве: разделение бурят на две партии, из которых одна изъявляла недовольство тайшой того времени Норбо Галсановым и Падерином Танхиным и чиновником Сахаром Хамнаевым. Они собрались около бывшего 2-го тайши Тангана Икинерова и просили в тайши сына Икинерова Тангана и бурята Бадму Чептонова, только от этой партии и исходили жалобы.

По итогам следствия дело было рассмотрено в Иркутском губернском совете. Губернский совет не признал жалобы братьев Ивана и Михаила Черных доказательными и правильными обвинениями против Хамнаева. Как отмечается в деле, “бурят Нодуева, Чебухаева, Семенова, Аюшаева и Дарсанова, жаловавшихся на делаемые им самим Хамнаевым и по влиянию родоначальниками разных стеснений и запрещение Хамнаевым бурятам торговать с купцами Черными при первых исследованиях жалобы этих бурят остались голословными и следствиями по ним обнаружено только: во-первых, разнообразные, при каждом опросе, показания этих бурят: несколько раз они показывали, что их купцы Черные научают выводить на Хамнаева и родоначальников разные злоупотребления, небывалые; потом несколько раз показывали, что Хамнаев и родоначальники научают их выводить это на Черных ложно”¹⁷.

---

¹⁵ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.5.

¹⁶ В архивных документах указаны только фамилии без инициалов

¹⁷ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.4об.-5.

Следующий момент, который вызвал у следствия сомнения в правдивости жалоб купцов Ивана и Михаила Черных, это то, что Михаил Черных, будучи Баргузинским словесным судьей, не только принимал без всякого права объявления бурят с жалобами на родоначальников, но и позволял им во время самовольных отлучек из места жительства укрываться в Баргузинском словесном суде. Согласно статье 182 Устава 1822 г. инородцы не имели права без ведома родового управления отлучаться из мест кочевья на расстояние больше двух дней пути¹⁸, поэтому самовольные отлучки бурят из мест жительства и тем более их укрывательство судьей являлись незаконными. Действия Михаила Черных были квалифицированы как превышение власти по статье 380 Уложения о наказаниях: “чиновник или иное должностное лицо признается превысившим власть ему вверенную, когда выступив из пределов и круга действий, которые предписаны ему по его званию, должности, месту или особенному поручению, учинит что-либо в отмену или вопреки существующих узаконений и учреждений, уставов или данных ему наставлений; или же вопреки установленному порядку предпишет или примет такую меру, которая не иначе может быть принята, как на основании нового закона; или присвоив себе право, ему не принадлежащее, самовольно решить какое-либо дело”¹⁹. Как виновный в превышении власти он был подвергнут наказанию согласно статье 383 Уложения о наказаниях – отрешению от должности²⁰.

Еще один факт, на который обратили свое внимание следователи, особенное отношение Ивана Черных к участи одного из бурят, жаловавшихся на незаконные действия С. Хамнаева. Это бурят Надуев, который находился в остроге за совершение преступления, которого выпускали из тюрьмы для написания жалобы на С. Хамнаева. Иван Черных обвинялся в том, что принимал его у себя на квартире, однако за его смертью дело было оставлено в окончательном положении, то есть дело было закрыто.

По всем этим обстоятельствам, Иркутский губернский совет пришел к заключению, что купцы Иван и Михаил Черные “являются, хотя и не положительно, но вероятно зачинщиками смут между баргузинскими бурятами, а чиновник Хамнаев является лицом, которое Черные старались преследовать”²¹.

По следующему пункту обвинения об излишнем сборе податей с инородческого

¹⁸ ПСЗРИ. Ст. 29126. 1 собр. Т.38. СПб.,1830, 404.

¹⁹ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV., 108

²⁰ Там же.

²¹ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.4об.

населения Баргузинского ведомства, следователи выявили, что буряты предъявили свои претензии, кроме Сахара Хамнаева, на должностных лиц Баргузинской Степной думы Норбо Галсанова, Падерина Танхина, Сартала Букулиткенова, голов Дашевула Марлунова, Самбила Нохольджинова, Буту Балтаханова, Утохона Артакиева и старшину Дмитрия Будаева. Они обвинялись в том, что, по желанию С. Хамнаева, притесняют бурят и собирают излишние поборы, например, излишний сбор денег по 30, 35 и более руб. ассигнациями с души на постройку частного экономического магазина по проекту С. Хамнаева. Однако никто из них не согласился с обвинениями и не сознался в противозаконных сборах денег, и при отсутствии доказательств обвинения остались “голословными”.

В ходе следствия выяснилось, что часть родоначальников, не обвиняемых бурятами в первоначальных жалобах, “сознались в производстве излишних поборов с бурят (перечисляются фамилии 21 должностных лиц – прим. авт.), все они, подтвердив существование излишних поборов от 5 до 12 руб. ассигнациями с души, присовокупили, что они сборы производили по приказанию Голов и старшин и часть таковых употребляли на исправление дороги, а часть сдавали головам; головы и старшины, что в родах их производились излишние поборы по распоряжению членов думы и часть их употреблялась на исправление дороги и другие расходы по повинностям и часть сдавали заседателю Букулитканову на жалование Хамнаеву и тайше Падерину и на постройку какого-то магазина; тайша Галсанов, что поборы производились с общего родовичей согласия. Такие сознания родоначальников, как согласных с деланными на них бурятами выводами и не разноречащих в главных их частях, можно было бы признать полным сознанием истины событий” [ ]²².

Однако в ходе следствия были допущены многочисленные процессуальные нарушения со стороны следователей. Так, следователь Вильчковский допустил при допросах свидетелей угрозы, “за не сознание в производстве поборов удалил от должности, а после сознания допуская к должностям”²³. К тому же должностные лица Степной думы при последующих допросах показали, что они вместе дали Вильчковскому 500 руб. серебром за прекращение следствия в их отношении.

Исходя из этого, действия следователей “отнимают возможность видеть в этих показаниях искреннее сознание, учиненное под влиянием действий

---

²² ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д. 756. Л.8-8об.

²³ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.5-5об.

следователя, совершившихся в пределах, дозволенных следователю законом”²⁴. Следствие пришло к выводу, что “за всем тем единообразие показаний, как этих родоначальников, так и показаний многих бурят убеждает в мысли, что излишние денежные поборы в Баргузинском бурятском ведомстве существовали и употреблялись на вспоможение и отправление натуральных повинностей и виновными в этом должны оставаться означенные, сделавшие сознание родоначальники. Но эта вина их по соображении с IV приложением к 173 (183) статье Уложения о наказаниях не может быть отнесена в разряд тех преступлений, взыскания за которые налагаются на инородцев судом уголовным”²⁵.

Важным моментом следствия явилось выявление факта неблагоприятного облика многих жаловавшихся бурят, что стало предметом исследования чиновника Щукина. Он пришел к выводу, что действительно многие из них были замечены в совершении дурных поступков, которые подлежали бы взысканию по инородческим обычаям. Но передача дела этого на разбирательство родоначальников могло представить им повод к пристрастному преследованию жаловавшихся на них бурят, а бурятам повод вновь жаловаться, поэтому делопроизводство Щукина было оставлено в окончательном положении, тем более, что прошли все сроки давности.

По третьему пункту жалобы о выплате жалования Сахару Хамнаеву также обвинения были признаны необоснованными.

Окончательное заключение по следственному делу в отношении Сахара Хамнаева было сделано Общим присутствием Забайкальского областного правления в сентябре 1858 г., что связано с передачей ведомства Верхнеудинского округа из Иркутской губернии в 1851 г. во вновь образованную Забайкальскую область, под ведение Областного управления²⁶.

В заключении было отмечено: 1) оставить в окончательном положении обстоятельства: а) по выводам излишних поборов и разных притеснений на чиновника Сахара Хамнаева и родоначальников, не сделавших при следствии сознания, ибо выводы при не сознании обвиняемых и при не представлении к делу полных доказательств остались голословными; б) по частным претензиям бурят, ибо претензии те бездоказательны и не могут быть переданы на разбирательство родоначальников по соображениям Общего присутствия; в) по выводимым на

---

²⁴ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.7об.

²⁵ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.9.

²⁶ ПСЗРИ. Ст.25394. 2 собр. Т. 26. СПб.,1852, 476-479.

жаловавшихся бурят выводимым родоначальниками их дурным поступкам: ибо поступки тех бурят по соображениям Общего присутствия не подлежат ныне взысканию, не составляя преступлений уголовных”²⁷.

Общим присутствием Забайкальской области было строго предписано “родоначальникам Баргузинского бурятского ведомства, чтоб отныне не осмеливались производить неустановленных правительством поборов”²⁸.

В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки отстранить Сахара Хамнаева от должности главного тайши. В 1859 г. Главное управление Восточной Сибири предписывает военному губернатору Забайкальской области разобраться с прошениями баргузинских бурят о злоупотреблениях С.Хамнаева. В ноябре 1861 г. буряты 1-го Чиндылдурского рода Пехей Степанов и Цыбык Муханов подали прошение исправляющему должность генерал-губернатора Восточной Сибири, как пишут баргузинские буряты, “на разные самоуправительные стеснения, делаемые будто бы им и всем вообще нашим инородцам неправильными действиями нашего Баргузинского главного тайши Сахара Хамнаева”. В ответ на эту жалобу баргузинские буряты принимают в декабре 1861 г. общественный приговор о выселении “жалобщиков” из общества в другое отдаленное место и “тем избавить от напрасных и совершенно ложных их затеянностей”.

В феврале 1862 г. принимается следующий общественный приговор о признании их обвинения “совершенно ложного и не заслуживающего никакого внимания, потому что ни один из нас на стеснения главного нашего тайши Хамнаева никогда их жалования не уполномочивали, и никто в этом не жалуется, и напротив еще все мы службой его остаемся во всех отношениях довольными, излишних поборах денежных так и других корыстолюбивых подарков Хамнаевым как сначала его службы, так и в настоящее время с нас никогда не вымогается, и принуждении к постройке собственно принадлежащих ему юрт бесплатно никогда им не производилось, равно и ныне таковых нет, а все объяснено в просьбе вышесказанных инородцев Пехея Степанова с товарищи по неблагонамеренному и совершенно худому их поведению сочинены ими, как мы полагаем, со злобнымнамерением повредить доброту и честному имени нашего главного тайши, и потому они пуцаются в разные несправедливые кляузы, некоторыми делаются лишь только между инородцами смуты под учением к подаче начальству таковых ложных жалоб на тайшу Хамнаева, как на лицо всем

---

²⁷ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.12-12об.

²⁸ ГАРБ. Ф.7. Оп.1. Д.756. Л.13.

нам известное по своей совершенной честности и благонамеренности и против коего как мы, так и все общество наше не имеет никаких претензий, и все остаемся довольны благодарными управлением Хамнаева”.

В 1862 г. в Забайкальской областное правление поступает жалоба от брата Николая Хамнаева, в феврале 1863 г. жалоба Пехея Степанова, Джалсана Нохошкина и других на неправильное составление приговора об их переселении в другое ведомство, в марте 1863 г. – жалоба от Николая Хамнаева, Баная Унгунова и Ванюшки Балаганова на стеснения от главного тайши, жалоба от Намчи Имышкеева на действия должностных лиц, принуждавших подписывать общественный приговор о доброй нравственности С. Хамнаева, жалоба Ванюшки Балаганова на вторичный сбор хлеба в хлебозапасный магазин и т.д. В январе 1864 г. поступила жалоба военному губернатору Забайкальской области от матери С. Хамнаева – Санжит Чебулаевой на неправильные действия сына и с просьбой об отстранении от должности²⁹.

В 1870 г. рассматривалось дело по жалобе бурят Баргузинского ведомства Николая Хамнаева и Ирдыни Октофеева в Министерство внутренних дел “на неправильные действия” главного тайши Сахара Хамнаева.³⁰ По решению генерал-губернатора Восточной Сибири он был отстранен от своей должности на период проведения следствия. Только 21 августа 1873 г. решением генерал-губернатора Восточной Сибири Сахар Хамнаев был допущен к исполнению своих обязанностей, так как “... не обнаруживается никаких особенных злоупотреблений им, преступлений, а между тем, оставление Баргузинской Степной думы без главного родоначальника ведет к беспорядкам ...”³¹.

Следующее громкое следственное дело о совершении должностного преступления велось в отношении Иннокентия Николаевича Муравьева, тайши Ольхонской Степной думы в 1836-1859 гг. [I] За время службы он получил благодарность от начальника Иркутской губернии за содействие и усердие при учреждении Ольхонского приходского училища (он уступил свой дом под училище на три года), был награжден серебряной медалью на Аннинской ленте³².

В 1859 г. на него поступили жалобы об излишних поборах и по итогам проверки, проведенной ассессором Иркутской казенной палаты Ларионовым, были выявлены серьезные нарушения. Так, из собранной бурятами ведомства суммы 25654 руб. в

²⁹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7335. Л. 8-17.

³⁰ ГАРБ. Ф.1. Оп.1. Д.1444. Л.3

³¹ ГАРБ. Ф.1. Оп.1. Д.1570. Л.171

³² ГАРБ. Ф.12. Оп.1. Д.1211. Л.28-28об.

подати и повинности (в среднем по 9 руб. с души), 6000 руб. были выданы тайше Муравьеву за постройку здания Степной думы хозяйственным способом. В ходе следствия путем опроса общественников выявляли, действительно ли сами буряты по своему желанию поручили построить здание Степной думы хозяйственным способом, есть ли на это общественный приговор общества ольхонских бурят, есть ли условия и из каких денег отдали Муравьеву за эту постройку. Общественники, представлявшие все роды Ольхонского ведомства, подтвердили, что они “по собственному желанию, по случаю затруднительности производить им самими натурой постройку здания думы предоставили тайше Муравьеву производить оную с уплатой без ведома думы и без всякого письменного условия 6000 руб. серебром”³³.

Судя по документам, следствие велось в течение нескольких лет, с 1859 по 1864 г. и поочередно рассматривалось в Иркутском губернском суде, затем в высшей инстанции суда – Правительственном Сенате. Все это время он содержался в Иркутской тюрьме и ждал окончания следствия. Только в 1864 г. был оглашен приговор, согласно которому И.Н. Муравьев за излишние сборы со своего общества, произведенные им в 1859 г. был приговорен к наказанию в виде лишения “всех особых, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и всемиловейше пожалованный ему серебряной медали для ношения на груди на Аннинской ленте с надписью “За усердие”.

Согласно статье 36 Уложения о наказаниях 1857 г., в которой говорится о местах ссылки в Сибири для жителей Иркутской губернии, была определена IV степень наказания: “Для жителей губерний Енисейской и Иркутской, области Забайкальской и градоначальства Кяхтинского, в область Якутскую”³⁴, И.Н. Муравьев был приговорен к ссылке на жительство в Якутскую область с воспрещением всякой отлучки из места, назначенного для его жительства в течение одного года и потом выезда в другие губернии и области Сибири в течение четырех лет. Кроме этого наказания, согласно статье 63, в которой говорится о том, что “виновные в преступлении, причинившем кому-либо убытки, вред или обиду, сверх наказания, к которому присуждаются, обязаны вознаградить за сей вред, убыток или обиду, из собственного имущества, по точному о сем постановлению суда”³⁵, на него была возложена материальная ответственность за совершенное

---

³³ ГАРБ. Ф.12. Оп.1. Д. 778. Л.42об.

³⁴ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV., 8-9.

³⁵ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV., 15.

противозаконное действие: “взыскать из имения Муравьева, какое окажется собственно ему принадлежащим, в пользу общества 9630 руб. 71 коп.”³⁶.

Статья 64 Уложения о наказаниях предусматривала наказание для сообщников преступника: “Когда преступление учинено несколькими лицами и главные виновники не в состоянии вознаградить за причиненный вред, убыток или обиду, то следующие на вознаграждение денежная сумма присуждается с других участвовавших в преступлении”³⁷. По этой статье материальная ответственность была возложена и на членов думы, как на сообщников – Имей Ангарова, Георгия Субанова и Пилата Шумакова, которые ранее уже были освобождены от занимаемых должностей.

Как должностному лицу, кроме общих мер наказаний и взысканий, согласно статье 69 Уложения о наказаниях 1857 г. за преступления и проступки по службе Иннокентию Муравьеву полагалось следующее особенное наказание – удаление от должности³⁸.

Однако, учитывая упадок хозяйства тайши И.Н. Муравьева в связи с его долгим содержанием в тюрьме, ольхонскому обществу дали право применить статью 66 Уложения о наказаниях, согласно которой “виновные, не имеющие никаких средств к вознаграждению за причиненные ими вред, убыток или обиду, могут, если они не подвергаются наказанию уголовному, быть по требованию обиженной стороны, заключены в тюрьму, на основании общих правил о несостоятельных должниках”³⁹. Общественным приговором от 14 июля 1864 г. улусными доверенными, старшинами и почетными родовичами было принято решение о взыскании с И.Н. Муравьева, И. Ангарова, П. Субанова, П. Шумакова в пользу общества “по их видимой возможности и с общего согласия данной ныне подписке лишь только четыреста руб. серебром, которые представить своевременно в Иркутское окружное казначейство”⁴⁰.

Интерес представляет следственное дело в отношении Хамагана Дамбуева, главного тайши Кударинской Степной думы. В феврале 1845 г. заседатель Осликовский написал рапорт Иркутскому гражданскому губернатору на дерзкий характер Х. Дамбуева, на нарушения, допускаемые им в своей работе: 1) отправляет мальчиков вместо взрослых мужчин на дорожные работы; 2) письмоводителем

---

³⁶ ГАРБ. Ф. 12. Оп.1. Д.437. Л.10об.-11.

³⁷ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV., 15.

³⁸ Там же. С.16.

³⁹ Свод законов Российской империи, издания 1857 г. Т. XV., 15-16

⁴⁰ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 437. Л.10об.

думы работает человек без паспорта, некий Федоров. В ответ тут же следует предписание Верхнеудинскому земскому исправнику разобраться, так как “всякая невежливость со стороны тайши, а тем паче ослушание, неповиновение или дерзость, суть такие поступки, за которые, он, если окажется в том виновным, будет подлежать непрременной ответственности по всей строгости законов”⁴¹. В свою очередь, Верхнеудинский земский исправник в донесении Иркутскому гражданскому губернатору подтверждает, что поступки тайши Дамбуева сопровождались “непомерной дерзостью”⁴².

В 1851 г. против Х. Дамбуева были выдвинуты новые обвинения. В Главное управление Восточной Сибири поступила жалоба кударинских бурят на излишние поборы и кражи зерна в экономическом магазине. Расследование было поручено чиновнику особых поручений Главного управления Восточной Сибири Доржо Банзарову, который со всей тщательностью начал работу по проверке фактов, изложенных в жалобе. К чести тайши, ни одно обвинение не было подтверждено при спросе жителей ведомства. Вскоре дело было прекращено в связи со смертью Хамагана Дамбуева в августе 1852 г.⁴³

Вторая половина XIX в. также ознаменовалась многочисленными злоупотреблениями со стороны должностных лиц местного самоуправления бурят, связанных с излишними поборами, растратами общественных и казенных денег. В связи с этим Забайкальский областной прокурор, проводя следствие в 1889 г. в отношении Семена Хамаганова, головы Абазаевского рода Кударинской Степной думы за должностное преступление, поднял вопрос о подсудности должностных лиц инородческого управления, какому именно суду они должны быть переданы – губернскому или окружному. До этого времени они судились Иркутским губернским судом, хотя становые и волостные начальники, власть которых не ниже инородческих, предавались суду Забайкальского окружного суда.

Общее присутствие Забайкальского областного управления, рассмотрев на своем заседании 7-8 марта 1889 г. данный вопрос, пришло к заключению о признании инородческих начальников подсудными по преступлениям должности Забайкальскому окружному суду и представлении этого заключения на рассмотрение Приамурского генерал-губернатора.

В свою очередь, 12 октября 1890 г. Приамурский генерал-губернатор представил

---

⁴¹ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15577. Л. 4-5.

⁴² ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15577. Л. 8.

⁴³ ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7042. Л. 1-3.

рапорт о подсудности инородческих начальников в Правительствующий Сенат, который своим указом от 24 апреля 1893 г. приказал приравнять инородческих начальников к должностным лицам волостного и сельских управлений и могут судиться окружными судами [ ]⁴⁴.

30 ноября 1892 г. Иркутское губернское правление было вынуждено опубликовать письмо о недопущении злоупотреблений со стороны инородческих властей: “Дознания, производимые по обвинению инородческих властей в злоупотреблениях по службе, обнаруживают в большинстве случаев, что власти эти по отсутствию за ними со стороны окружной администрации должного надзора, не только вредно влияют на общественные инородческие дела, но это влияние крайне неблагоприятно отражается на материальных интересах инородцев, порождая в особенности там, где должность головы соединена с обязанностями казначея, растраты общественных сумм и производство таких, ни в чем неоправданных расходов”⁴⁵.

Буряты 1-го Абаганатского рода жаловались в инородную управу на помощника родового старосты Бардоя Маргадашкинова на излишние поборы при сборе податей и ходатайствовали о привлечении его к ответственности. Инородная управа провела дознание, опросив 35 человек, взяла объяснение с самого Маргадашкинова и выяснила, что за обвиняемым нет вины, так как он взял 300 рублей в долг под проценты у купца Сеницына на уплату податей и должен был вернуть 375 руб.⁴⁶.

У царской администрации было двойственное отношение к нарушителям – должностным лицам. Они достаточно либерально относились к тем должностным лицам, кто обворовывал своих соплеменников, и практически не реагировали на жалобы инородцев, связанные с притеснениями их “почетными родовичами”. Редкие дела о наказаниях должностных лиц за притеснения сородичей доходили до суда. Так, в 1880 г. Иркутский губернский суд признал виновным помощника старосты Барун-Хоацайского рода Кялинской инородной управы О.Куринова в истязании Н.Сундуева (покрещении Константина Литвинцева) и приговорил к заключению в тюрьму на четыре месяца⁴⁷. В то же время жестко спрашивали с тех, кто нарушал предписания царской администрации, не выполнял контракты по поставкам товаров в казенные предприятия, халатно относился к выполнению

⁴⁴ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 29. Оп. 1. Д-во 1. Д. 23. Л. 6-7.

⁴⁵ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Л. 123об.

⁴⁶ ГАРБ. Ф. 15. Оп. 1. Д. 167. Л. 4-7.

⁴⁷ ГАРБ. Ф. 103. Оп. 1. Д. 41. Л. 7.

уртонной повинности, допускал недоимки по уплате податных сборов и растрату казенных денег⁴⁸.

В 1895 г. Иркутским губернским правлением было возбуждено следствие по обвинению головы Аларской инородной управы Михаила Бадмаева в излишних поборах денег на отнесение междудворной гоньбы. В ходе следствия было опрошено 61 человек. Все они перед дачей свидетельских показаний давали клятвенное обещание следующего содержания: “Я обещаюсь и клянусь Всемогущим богом, перед Святым его Евангелием и Животворящим крестом, что, не увлекаясь ни дружбою, ни родством, ниже ожиданием выгод, или иными какими либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде его” . В результате следственных мероприятий выяснили, что деньги на междудворную гоньбу собирались с согласия общества, на добровольной основе, никакого присвоения денег не было. М. Бадмаев в своем объяснении показывал, что такие сборы денег практиковались с давних лет, за год работы в должности головы ему не удалось прекратить такие сборы. Вины своей он не признал, считая это происками своих противников. По приказу Иркутского губернского правления он был отстранен от занимаемой должности и заключен на семь суток ареста при Иркутском полицейском управлении.

В марте 1906 г. крестьянский начальник 5-го участка своим постановлением наложил запрет на недвижимость и арест на движимое имущество головы Абаганатской инородной управы Алексея Убогонова, который оказался “должным казенных и общественных денег в сумме 1123 руб. 99 коп.”. Казначей Абаганатской инородной управы П. Осипов растратил 1168 руб. 08 коп. общественных и казенных денег и вся сумма была взыскана мерами полиции и внесена в казначейство . Буряты 1-го Абаганатского рода написали жалобу на действия родового старосты Алексея Забинова, обвиняя его в мошенничестве. Благодаря своей грамотности и знанию русского языка, он выступал в роли “адвоката, занимаясь с большим умением ссорами и мирением бурят между собой” за оплату.

В 1906 г. распоряжением крестьянского начальника 5-го участка были освобождены от занимаемых должностей за “неправильные действия” исполняющий должность головы П. Осипов и староста 1-го Абаганатского рода А. Забинов .

---

⁴⁸ Даржаев С.Ю. Степные Думы – органы самоуправления бурят в Российском государстве (1822-1904 гг.). Улан-Удэ: ИПК “ВСГАКИ”, 2001, 72.

Не только бурятские ведомства отличались громкими следственными делами в отношении должностных лиц. В 1871 г. Михаил Гантимуров, отставной зауряд-хорунжий, обратился с жалобой в Забайкальское областное правление с жалобой на различные злоупотребления начальника тунгусских родов Петра Гантимурова, своего двоюродного брата. Забайкальское областное правление поручает Читинскому окружному полицейскому управлению произвести следствие по жалобе, однако инородные управы своими общественными приговорами засвидетельствовали несправедливость жалоб М.С. Гантимурова .

Нами рассмотрены только несколько следственных дел, получивших широкий резонанс в Иркутской губернии и Забайкальской области, а некоторые дела доходили даже до Правительствующего Сената. Основной причиной этих нарушений, на наш взгляд, послужил сам закон, по которому жили бурятские ведомства – это Устав об управлении инородцев 1822 г. Статьи об общественном характере службы должностных лиц бурятских органов местного самоуправления XIX в., предполагающие их деятельность без соответствующей оплаты, финансово-хозяйственная самостоятельность бурятских ведомств со своими системами содержания степного управления, приводили к бесконтрольности расходования этих средств. Многочисленным нарушениям способствовала фактически самостоятельная судебная система в бурятском обществе, не позволявшая выносить за пределы ведомства ни жалоб, ни прошений со стороны потерпевших.

Таким образом, на основании изучения архивных документов инородных управ, можно выявить характер преступлений и правонарушений, их расследование и судопроизводство, которые строились на основе норм обычного права. В судопроизводстве бурятских инородных управ наиболее часто представлены дела по взаимным финансовым и хозяйственным претензиям, уплате калыма, семейным разводам с разделом имущества, расследованием краж скота и имущества и они же являются наиболее разработанными в обычном праве.

Хотя российское законодательство дореволюционного периода осторожно подходило к включению обычаев и традиций сибирских инородцев в общероссийское правовое поле, они признавались российскими судами. Устав 1822 г. законодательно признал юридическую силу норм обычного права с перспективой их кодификации, закрепил особое правовое положение для сибирских народов. Юридическое признание норм обычая давало сибирским инородцам право вести судопроизводство по своим законам. Из ведения инородческих судов словесной

расправы были изъяты такие уголовные дела как убийство, грабеж, изготовление фальшивой монеты, похищение казенного и общественного имущества. Остальные правонарушения и преступления рассматривались как маловажные, исковые и подлежали рассмотрению инородческими судами. Инородная управа как вторая степень суда словесной расправы разбирала дела между людьми разных улусов или же в случае неудовлетворенности решением суда первой степени словесной расправы – родового управления и была фактически высшей ступенью инородческого суда.

С середины XIX в., под влиянием экономических и политических изменений, происходивших в российском обществе, инородческое самоуправление, инородческий суд и судопроизводство перестали отвечать изменившимся условиям. Как следствие, наблюдается огромное количество нарушений в управлении, хозяйственной деятельности, которые невозможно было решить с помощью инородческих законов. В частности, к таковым относятся следственные дела в отношении должностных лиц местного самоуправления. Статьи об общественном характере службы должностных лиц бурятских органов местного самоуправления XIX в., финансово-хозяйственная самостоятельность бурятских ведомств со своими системами содержания степного управления, приводили к бесконтрольности расходования этих средств. Многочисленным нарушениям способствовала фактически самостоятельная судебная система в бурятском обществе, не позволявшая выносить за пределы ведомства ни жалоб, ни прошений со стороны потерпевших.

На наш взгляд, кризис инородческой судебной системы был вызван тем, что: во-первых, родовые управления и инородные управы, составлявшие две степени словесной расправы инородцев, образовывались из лиц, избираемых родовичами из своей среды или же получавших наследственно звание головы и старосты, что при общем низком уровне умственного и нравственного развития инородцев не обеспечивало правильного и беспристрастного рассмотрения возникавших среди инородческого населения гражданских дел;

во-вторых, нормы обычного права, на основании которых разрешались все гражданские дела, уже не отвечали изменившимся условиям быта населения и утрачивали свое практическое значение;

в-третьих, инородческие суды, основывавшиеся на нормах обычного права, отличались медлительностью судопроизводства и подчас несправедливым разрешением дел .

Судебная реформа 1864 г. также ничего нового не внесла в инородческий суд, и только в начале XX в. инородческие суды были упразднены при проведении волостной реформы .

Примечания

И.В Государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранится дело “Об излишних сборах, произведенных с инородцев Ольхонского ведомства тайшой Муравьевым (01.12.1861 – 04.06.1863)”. Ф. 383. Оп. 24. Д. 37274. 24 л.

Abstract: The article deals with the most biggest cases towards civil servants of non-russian self-government of Buryat authorities. Such cases are considered as writs and are decided by non-russian authorities. These crimes are regulated by “Charter on management of Non-Russians” 1822, which legally admits validity of common law standards in prospect of its codification. It also has stated the special legal status for Siberian peoples.